

УДК 94(47).083

doi:10.21685/2072-3024-2021-4-3

Первые лица губернской администрации: особенности взаимодействия в конце XIX – начале XX в.

Г. В. Гарбуз

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ggarbuz@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Взаимодействие руководителей местного административного аппарата имеет решающее влияние на результативность государственной политики в регионах. Изучение исторического опыта служебных взаимоотношений позволяет определить их воздействие на эффективность работы государственной администрации на местах в различные периоды развития нашей страны. Цель работы – выделить факторы, определявшие специфику взаимоотношений между первыми лицами провинциальной администрации на рубеже XIX–XX вв. *Материалы и методы.* Поставленные в работе задачи решаются путем применения сравнительно-исторического метода к анализу документов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива, а также мемуаров руководителей провинциальной администрации, опубликованных в России и за рубежом. *Результаты.* Исследованы материалы административной переписки по кадровым вопросам из архивных фондов и воспоминания отдельных представителей губернской администрации, а также публикации, затрагивающие проблемы взаимоотношений внутри провинциального административного аппарата в данную эпоху. Выявлены факторы, оказывавшие значительное влияние на служебные отношения губернаторов и вице-губернаторов. *Выводы.* Административная система поздней имперской России формировала условия, при которых губернаторы и вице-губернаторы превращались из соратников в соперников, что негативно сказывалось на работе всего местного аппарата. Характерной чертой их отношений была напряженность, преодоление которой во многом зависело от стечения обстоятельств и доброй воли первых лиц провинциальной администрации.

Ключевые слова: губернаторы, вице-губернаторы, провинциальная администрация, служебные взаимоотношения, административная система, распределение полномочий

Для цитирования: Гарбуз Г. В. Первые лица губернской администрации: особенности взаимодействия в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 24–34. doi:10.21685/2072-3024-2021-4-3

The first persons of the provincial administration: the features of interaction in the late 19th – early 20th century

G.V. Garbuz

Penza State University, Penza, Russia

ggarbuz@rambler.ru

Abstract. *Background.* The interaction of the local administrative apparatus heads has a decisive influence on the government policy effectiveness in the regions. The study of the

© Гарбуз Г. В., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

historical experience of official relations allows us to determine their impact on the effectiveness of the state administration work on the ground in various periods of the development of our country. The purpose of the study is to identify the factors that determined the specifics of the relationship between the top officials of the provincial administration at the turn of the 19th – 20th centuries. *Materials and methods.* The tasks set in the work are solved by applying the comparative historical method to the analysis of documents extracted from the funds of the Russian State Historical Archive, as well as memoirs of the provincial administration heads published in Russia and abroad. *Results.* The materials of administrative correspondence on personnel issues from archival funds and memoirs of individual representatives of the provincial administration, as well as publications concerning the problems of relations within the provincial administrative apparatus in this era, are studied. The factors that had a significant impact on the official relations of governors and vice-governors were identified. *Conclusions.* The administrative system of late imperial Russia formed the conditions under which governors and vice-governors turned from colleagues into rivals, which negatively affected the work of the entire local apparatus. A characteristic feature of their relations was tension, the overcoming of which largely depended on the combination of circumstances and the goodwill of the top officials of the provincial administration.

Keywords: governors, vice-governors, provincial administration, official relations, administrative system, distribution of powers

For citation: Garbuz G.V. The first persons of the provincial administration: the features of interaction in the late 19th – early 20th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;(4):24–34. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-4-3

В данной статье в качестве первых лиц губернской администрации рассматриваются две ключевые фигуры местного государственного аппарата – губернаторы и вице-губернаторы. Губернаторы были оплотом и олицетворением самодержавной власти в провинции. Являясь высшими представителями государственной власти в губернии, они обладали широкими административными, судебными и надзорными полномочиями в отношении всех государственных и общественных структур. Изменения в системе местного управления и общественной жизни на рубеже XIX–XX вв., как правило, способствовали расширению компетенции этого ключевого института государственной власти в провинции. Российское законодательство данного периода определяло главную функцию вице-губернатора следующим образом – «быть непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления оною»¹, наделяя его такой же универсальной властью в системе местного управления, как и губернатора, а особенности их взаимодействия становились одним из тех факторов, которые имели значительное влияние на реализацию государственной политики в регионе на всех ее направлениях.

Особая значимость взаимодействия первых лиц губернской администрации в деле успешного функционирования государственного аппарата на местах сделала эту проблему объектом внимания в ряде исследований, посвященных различным аспектам местного управления в отдельных регионах России на рубеже XIX–XX вв. По мнению В. Ю. Карнишина, подобные

¹ Свод законов Российской империи : в 5 кн. Кн. 3. Т. IX / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб. : Деятель, 1912. С. 58.

публикации позволяют «уяснить специфику динамики процессов в экономической, социокультурной и политической сферах именно в их региональных измерениях» [1, с. 12]. А. С. Минаков в своем анализе функционирования губернаторской власти в губерниях Черноземного центра отмечает, что «взаимные понимание и поддержка губернатора и вице-губернатора создавали положительный микроклимат для работы всей администрации губернии» [2, с. 33]. В то же время и он, и другие исследователи этой проблемы отмечают сложный характер взаимоотношений между первыми лицами губернской администрации. А. А. Смирнова, анализируя взаимодействие руководителей вятской губернской администрации, делает вывод о том, что «на практике отношения между губернаторами и вице-губернаторами были различны и колебались от полного единодушия до абсолютного непонимания» [3, с. 59]. А. И. Архипова в статье о деятельности якутских губернаторов указывает, что у губернатора В. Н. Скрыпицына были открытые конфликты с тремя из четырех служивших с ним вице-губернаторов [4, с. 282]. Напряженность как доминирующая черта в отношениях первых лиц губернской администрации отмечается во всех публикациях, посвященных данной проблематике. И. Л. Дамешек и А. И. Архипова в качестве основной причины конфликтов указывают отсутствие четкого разделения полномочий между губернаторами и вице-губернаторами [5, с. 29], А. А. Смирнова обращает внимание на различные подходы к административному управлению как фактор, мешавший конструктивному диалогу между первыми лицами губернского аппарата [3, с. 60], А. С. Минаков отмечает наличие административной конкуренции между ними [2, с. 33]. В данной статье на основе архивных материалов и воспоминаний руководителей местного государственного аппарата предпринята попытка продолжить и обобщить анализ основных факторов, определявших специфику взаимоотношений между руководителями провинциальной администрации.

Основную сложность во взаимоотношениях двух первых лиц губернского управления формировала сама административная система поздней имперской России. Наделяя губернаторов широчайшими полномочиями, которые превращали их фактически в «хозяев губерний», эта система существенно ограничивала административные компетенции руководителей местного аппарата в отношении ближайших сотрудников по управлению вверенной территорией – вице-губернаторов. Должность вице-губернатора относилась к V классу в Табели о рангах и замещалась кандидатами, утвержденными непосредственно императором по представлению министерства внутренних дел, влияние которого на провинциальные властные структуры возрастало на протяжении всей второй половины XIX в. [6, с. 20]. При назначении не требовалось даже формального согласия начальников губерний. В служебном отношении вице-губернаторы были официально подчинены губернаторам и были обязаны выполнять все распоряжения своих непосредственных начальников, но оценивалась их деятельность министром внутренних дел помимо «хозяев губерний», у которых часто даже не запрашивали служебную аттестацию при поощрении или награждении подчиненных. Парадоксальность ситуации отмечал в своих мемуарах И. Ф. Кошко: «Получается весьма странное положение: человека награждают за деятельность, которой министр

хорошенько не знает и не спрашивает при этом мнение того, кто эту деятельность видит, ею руководит, за нее отвечает» [7, с. 140]. Карьерная независимость вице-губернаторов от своих непосредственных начальников вносила в их отношение к «хозяевам губерний» элемент фрондерства, которое некоторые пытались использовать как фактор служебного роста. М. М. Осоргин так описывал мотивы поведения тульского вице-губернатора А. Н. Хвостова: «Он обыкновенно держался одной линии – держаться противных взглядов со своим принципом; на этом строить свою популярность в обществе, которое в те времена склонно было видеть в каждом администраторе притеснителя; перед Министерством же такое направление поможет ему, он надеялся, поделиться, подчеркивая все ошибки губернатора» [8, с. 692].

Щепетильное отношение вице-губернаторов к своему особому положению в среде местной администрации И. Ф. Кошко характеризует в своих воспоминаниях как «вице-губернаторскую болезнь» [7, с. 140]. По мнению чиновника, занимавшего в начале XX в. должность самарского вице-губернатора, а затем пензенского и пермского губернатора, болезнь эта была распространенным явлением и накладывала особый отпечаток на стиль общения двух высших лиц губернской администрации. Губернатор мог отдавать своему непосредственному помощнику приказания по службе, но «Боже упаси, если они выльются именно в форму приказания, надо покорнейше просить, иначе вы нанесете смертельную обиду», критиковать действия вице-губернатора требовалось с особой осторожностью, иначе «вы наживете себе явного врага» [7, с. 140] – отмечал опытный начальник губернии. Соблюдать такие тонкости «хозяева губерний» не всегда могли и не всегда хотели, поэтому отношения между ними и вице-губернаторами, как правило, были напряженными.

Должность вице-губернатора в административной практике этого периода рассматривалась как стартовая позиция для кандидатов, претендовавших на более высокие посты в местном или центральном управлении. Вице-губернаторы получали опыт непосредственного управления регионом и в глазах курировавшего их МВД были главными кандидатами на должности губернаторов. По данным А. А. Смирновой, из двенадцати вятских губернаторов конца XIX – начала XX в. шесть перешли на эту должность с должности вице-губернатора [3, с. 59]. В Пензенской губернии все пять губернаторов, назначенных в начале XX в., ранее были вице-губернаторами.

Амбициозные чиновники на посту вице-губернатора стремились использовать любую возможность проявить себя в деле самостоятельного управления губернией, что, как правило, вызывало недовольство губернаторов, видевших в этом посягательство на свое право единолично направлять деятельность местного государственного аппарата. Правительство, чтобы не обострять конкуренцию между первыми лицами местного аппарата, крайне редко переводило вице-губернаторов на губернаторский пост в рамках одной губернии. Поэтому начальники губерний, как правило, не опасались, что ближайший помощник «подсидит» своего начальника, но в успехах вице-губернаторов они видели вызов собственной компетентности. Пользуясь отсутствием четкого разграничения полномочий между первыми лицами губернского аппарата, начальники губерний стремились максимально ограничить административную самостоятельность вице-губернаторов. В то же

время для этого периода характерна чрезмерная загруженность «хозяев губерний» управленческими обязанностями. Известный российский правовед начала XX в. И. А. Блинов отмечал: «Русский губернатор может быть самое занятое лицо в мире» [9, с. 262]. Не имея возможности эффективно выполнять все управленческие функции, губернаторы вынужденно перекладывали часть своих обязанностей на ближайших помощников. Как правило, это была рутина, не позволявшая вице-губернаторам отличиться. Пензенский губернатор И. Ф. Кошко передал вице-губернатору Г. Б. Петкевичу всю шаблонную переписку: паспортное дело, справки о благонадежности, справки об имущественном положении [7, с. 145].

Участие вице-губернатора в решении ключевых вопросов местного управления зависело как от личных отношений между первыми лицами администрации, так и от соотношения их служебных интересов. М. М. Осоргин, бывший харьковским вице-губернатором на рубеже веков, освещает в своих воспоминаниях сотрудничество с двумя губернаторами Г. А. Тобизеном и князем И. М. Оболенским. Опытный администратор Г. А. Тобизен, около двадцати лет занимавший высшие должности в руководстве нескольких губерний, в этот период сосредоточил усилия на переходе в центральный правительственный аппарат. Он с первых шагов стал вводить новоиспеченного вице-губернатора «в самую суть губернаторской деятельности», от которой он, по словам М. М. Осоргина, настолько устал, что «рад был сдать мне большую долю своей работы, оставив за собой лишь общее руководство» [8, с. 488]. Вице-губернатор возглавил работу всех губернских коллегияльных учреждений, замещал губернатора при проведении различных общественных мероприятий и в поездках по губернии. М. М. Осоргин сетовал, что ему не хватало времени для выполнения своих прямых обязанностей по руководству делами губернского правления. Сменивший Г. А. Тобизена на посту харьковского губернатора И. М. Оболенский активно делал карьеру в административном аппарате. Он не терпел административной конкуренции и сосредоточил все властные рычаги в своих руках, заменил ключевые должности в губернском аппарате своими ставленниками. Пользуясь преимуществами губернаторской власти, И. М. Оболенский взял под свой полный контроль деятельность губернского правления, которое традиционно считалось вотчиной вице-губернатора. «Отменял он все доклады по губернскому правлению и просил присылать ему на подпись все бумаги» [8, с. 561] – указывал в своих воспоминаниях М. М. Осоргин. Такая политика вызвала резкое неприятие со стороны привыкшего к самостоятельности вице-губернатора. На страницах своих воспоминаний М. М. Осоргин крайне негативно характеризует методы своего непосредственного руководителя, называя их «административным фиглярством». Несмотря на имевшиеся родственные связи, отношения между первыми лицами харьковской губернской администрации были полностью испорчены. М. М. Осоргин утверждал: отношения приняли характер «той скрытой неприязни, которую он мне всегда показывал и которую я ему возвращал сторицею» [8, с. 557]. Дальнейшая служба в таких условиях была невозможна, и вице-губернатор подал в отставку.

Вступать в открытое столкновение с начальниками губерний вице-губернаторы опасались. Подобные конфликты воспринимались в бюрократическом аппарате как нарушение субординации. А. С. Минаков отмечал, что

«МВД, являясь верховным арбитром в спорах губернаторов и вице-губернаторов, преимущественно поддерживало честь и репутацию первых лиц губернии» [10, с. 315]. Поддержка правительства «хозяевам губерний» была обеспечена даже в тех случаях, когда вице-губернатор имел законное право на собственное мнение. М. М. Осоргин указывал, что, если в общем присутствии губернского правления при коллегиальном рассмотрении судебных дел члены правления выражали несогласие с губернатором, вопрос, согласно закону, передавался на разрешение Сената, но «при первом разногласии члены Губернского правления, то есть советники и подчины, и вице-губернатор карались министром внутренних дел, первые увольнялись, а последний переводился куда-нибудь в худшую губернию» [8, с. 561].

Губернаторы также не стремились без крайней необходимости обострять отношения со своими ближайшими помощниками. В условиях господствовавшего в среде царской бюрократии патернализма вице-губернаторы, как правило, имели поддержку в правительственных кругах и конфликт первых лиц провинциальной администрации мог привести к неприятным для «хозяина губернии» последствиям. Характерным примером является конфликт между самарским губернатором В. В. Якуниным и вице-губернатором С. П. Белецким. В первые годы совместной службы их сотрудничество было весьма плодотворным. С. П. Белецкий, нацеленный на карьеру в полицейском ведомстве, немало сделал для реорганизации самарской полиции. С санкции губернатора он внес существенные коррективы в порядок работы губернского правления, провел чистку аппарата, устранив нерадивых чиновников с занимаемых ими должностей. За короткое время самарское губернское правление стало одним из лучших в России. По инициативе вице-губернатора была организована школа для профессиональной подготовки самарских полицейских, активизирован контроль за деятельностью уездных полицейских управлений. В. В. Якунин слал положительные отзывы о деятельности С. П. Белецкого в МВД, в которых благодарил министра П. А. Столыпина за столь деятельного помощника [11, л. 32 об.]. Конфликт произошел после того, как вице-губернатор в отсутствие В. В. Якунина по своему усмотрению распорядился кредитами на содержание полицейских штатов, вторгнувшись в сферу компетенции, ревностно оберегаемую «хозяином губернии». Губернатор отстранил С. П. Белецкого от руководства губернским правлением и отправил в МВД донесение с просьбой удалить неугодного вице-губернатора из подведомственного ему аппарата. Дальнейшее развитие ситуации образно описано в мемуарах А. Н. Наумова, который в этот период занимал должность самарского губернского предводителя дворянства. По его словам, через три месяца после вспыхнувшего конфликта губернатор вынужден был торжественно провожать на вокзале своего бывшего заместителя, отозванного из губернского аппарата на должность вице-директора Департамента полиции. «Лицо, признанное губернатором неспособным, даже вредным, для заведывания полицейской частью в губернии, было призвано столичной властью к высшему руководству той же полицией, но уже целой Российской империи» [12, с. 190] – писал один из высших чиновников губернского аппарата, хорошо знавший подоплеку конфликта.

Конфронтация с бывшим подчиненным имела для самарского губернатора неприятные последствия и в дальнейшем. Примерно через год ему

пришлось пережить несколько неприятных минут в кабинете П. А. Столыпина, выслушивая выдержки из письма своей жены с нелестными отзывами в адрес министра. По словам А. Н. Наумова, В. В. Якунин был убежден, что бумаги на столе у председателя Совета министров появились стараниями С. П. Белецкого, ведомство которого занималось перлюстрацией его корреспонденции [12, с. 192]. Возможность быстрого карьерного роста подчиненных, позволявшая им через некоторое время занять на служебной лестнице более высокое место, чем их нынешние начальники, была тем фактором, который должны были учитывать «хозяева губерний» в своих отношениях с вице-губернаторами.

При определенных обстоятельствах конфликт первых лиц губернской администрации мог способствовать краху губернаторской карьеры. Осенью 1905 г. в один из тяжелейших для местной администрации периодов, когда ситуация в провинции на волне революционных выступлений выходила из-под контроля коронных чиновников, разные взгляды на решение создавшейся ситуации спровоцировали в Самаре конфликт между губернатором Д. И. Засядко и вице-губернатором В. Г. Кондоиди. Начальник губернии пытался проводить политику компромиссов, опасаясь жесткими действиями провоцировать новые выступления революционных сил. Вице-губернатор был одним из лидеров правомонархического движения в губернии. Он опубликовал воззвание, которое по своей сути было предвыборным манифестом правых сил. Под давлением оппозиции Д. И. Засядко дезавуировал своего ближайшего сотрудника, объявив, что он просит «не придавать веры объявлению вице-губернатора и верить объявлениям лишь им одним подписанным» [13, л. 9]. После этого В. Г. Кондоиди ничего не оставалось, как принять предложенный губернатором «отпуск». Конфликт перешел на правительственный уровень. Председатель Совета министров С. Ю. Витте добился отставки самарского вице-губернатора. Опального вице-губернатора поддерживали правые силы самарского общества. В Санкт-Петербург выехал губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов, который сумел заручиться поддержкой консервативного крыла правительства и лично императора. Ситуация в Самаре привлекла внимание высших властей, в результате губернатор был обвинен в неспособности справиться с революционным движением и отправлен в отставку. В. Г. Кондоиди продолжил карьеру в центральных правительственных органах.

Административная конкуренция между первыми лицами губернского управления обострялась в периоды, когда вице-губернатор замещал отсутствующего губернатора. Если губернатор не покидал пределов губернии, но не мог по каким-либо причинам в полном объеме выполнять свои функции, например совершал объезд уездов и находился вдали от губернского центра, вице-губернатор получал возможность решать вопросы текущего управления от его имени. В таких случаях «хозяева губерний» обычно четко очерчивали круг полномочий своих помощников, но у вице-губернаторов появлялся соблазн узурпировать власть начальника губернии и выйти за пределы определенных им компетенций. А. И. Архиповой описан конфликт между якутским губернатором В. Н. Скрипицыным и вице-губернатором А. М. Лавровым, который, используя разночтения в законодательстве, нарушил прямой приказ начальника губернии о рассмотрении только экстренных дел и приступил

к решению вопросов текущего управления, в то время как его патрон находился в одном из отдаленных округов [4, с. 283].

Вице-губернатор получал всю полноту власти, если губернатор покидал пределы губернии, выезжая в отпуск, в командировку, а также в периоды между уходом прежнего и назначением нового начальника губернии. Чрезмерная административная активность наиболее ретивых вице-губернаторов в такие периоды беспокоила даже правительство. М. М. Осоргин вспоминал, что при назначении тульским губернатором он получил от министра внутренних дел А. Г. Булыгина настоятельные рекомендации: «Прежде чем воспользоваться двухмесячным отпуском, вступить в управление губернией, так как тульского вице-губернатора Алексея Николаевича Хвостова он охарактеризовал как человека крайне ненадежного, который способен... что-нибудь накрутить, лишь бы показать полноту своей власти» [8, с. 688–689]. Министр считал, что в такие моменты вице-губернаторов нельзя оставлять без данных «хозяином губернии» директив, и делился с новым губернатором опытом из своей губернаторской практики, вспоминая, как при назначении калужским губернатором ему пришлось исправлять административные ошибки ее временного начальника [8, с. 689]. В некоторых случаях вице-губернаторы в стремлении продемонстрировать свои административные способности сознательно компрометировали репутацию непосредственного начальника. Тот же А. Н. Хвостов вынужден был оставить должность минского вице-губернатора после того, как, воспользовавшись отсутствием губернатора графа А. А. Мусина-Пушкина, самостоятельно провел проверку губернского по воинской повинности присутствия, несмотря на категорический запрет губернатора, знавшего о злоупотреблениях в этом учреждении и желавшего основательно разобраться в деле по возвращении из отпуска. В отправленном правительству отчете вице-губернатор указал на выявленные нарушения и обвинил губернатора в попустительстве [8, с. 692].

Особенно болезненно «хозяева губерний» воспринимали вторжение вице-губернаторов в периоды временного управления в решение кадровых вопросов, которые они считали своей исключительной компетенцией. Вице-губернаторы часто использовали такие возможности, чтобы укрепить свои позиции в административном аппарате, чем ставили начальников губерний в неудобное положение. «Вы становитесь перед совершившимся фактом, не решаясь его отменить, чтобы незаслуженно не обидеть ни в чем не повинное назначенное лицо» [7, с. 141] – писал И. Ф. Кошко. Если губернатора моральные терзания не останавливали и он смещал вновь назначенных лиц, это почти неизбежно приводило к конфликту с вице-губернатором и неприязни со стороны обиженных чиновников. Такая административная чехарда негативно сказывалась на работе местного аппарата.

Характерный для самодержавной системы управления принцип «разделяй и властвуй» негативным образом сказывался на взаимодействии первых лиц губернской администрации. Сформированная к началу XX в. система местного управления могла максимально эффективно функционировать лишь при плодотворном сотрудничестве руководителей провинциального аппарата, но административная практика вносила в отношения начальников губерний и их ближайших подчиненных существенный элемент соперничества.

В лице вице-губернатора «хозяин губернии» получал сотрудника, в отношении которого был лишен возможности прямого административного воздействия даже в тех случаях, когда его действия наносили прямой вред служебному положению непосредственного руководителя. Это заставляло губернаторов относиться к своим ближайшим помощникам в деле управления губернией априори насторожено. Для вице-губернаторов их должность была ценна в первую очередь возможностью продемонстрировать свои административные способности для дальнейшего продвижения по службе, что во многом зависело от начальников губерний, которые могли создать соответствующие условия или максимально ограничить сферу применения управленческих талантов. Стремление «хозяев губерний» единолично определять административную политику создавало условия, при которых вице-губернатор мог проявить себя на этом поприще, лишь потеснив на административном олимпе губернии своего непосредственного начальника, что создавало постоянные трения между первыми лицами губернской администрации и осложняло работу местного государственного аппарата. Качество взаимодействия руководителей губернского управления во многом зависело от субъективных факторов: личной приязни или неприязни, сходства или различия подходов к административному управлению, политических взглядов, случайных событий.

Список литературы

1. Карнишин В. Ю. Местное управление губерний Поволжья накануне февральской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 12–19.
2. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2011. 42 с.
3. Смирнова А. А. Организация взаимодействия губернаторов, вице-губернаторов и правителей канцелярий в конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3 (1). С. 58–61.
4. Архипова А. И. Губернатор в системе власти: на примере Якутской области второй половины XIX – начала XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 282–284.
5. Дамешек И. Л., Архипова А. И. Компетенция власти в имперском пространстве на северо-востоке России: генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор и проблемы взаимодействия // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 22. С. 23–31.
6. Карнишина Н. Г. Реформы просвещенной бюрократии в России на примере работы Редакционных комиссий 1850-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 15–25.
7. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород – Самара – Пенза. Петроград : Содружество, 1916. 259 с.
8. Осоргин М. М. Воспоминания. М. : Российский Фонд Культуры, 2009. 999 с.
9. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб. : Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. 368 с.
10. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел : Орлик, 2011. 488 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 47. 1906. Д. 229.

12. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 : в 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. 583 с.
13. РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1905. Д. 182 б.

References

1. Karnishin V.Yu. Local government of the Volga region on the eve of the February revolution. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2008;(1):12–19. (In Russ.)
2. Minakov A.S. The governor's corps and the central government: the problem of relationships (based on materials from the provinces of the Black Earth Center in the second half of the 19th – early 20th centuries) DSc abstract. Orel, 2011:42. (In Russ.)
3. Smirnova A.A. Organization of interaction between governors, vice-governors and rulers of the chancellery in the late 19th – early 20th centuries in Vyatka province. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* = *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*. 2012;(3):58–61. (In Russ.)
4. Arkhipova A.I. Governor in the system of power: on the example of the Yakutsk region of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = *Theory and practice of social development*. 2015;(12):282–284. (In Russ.)
5. Dameshek I.L., Arkhipova A.I. Competence of power in the imperial space in northeastern Russia: governor-general, governor, vice-governor and problems of interaction. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya* = *Proceedings of Irkutsk State University. Series: History*. 2017;22:23–31. (In Russ.)
6. Karnishina N.G. Reforms of the enlightened bureaucracy in Russia on the example of the work of the Editorial Commissions of the 1850s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2016;(3):15–25. (In Russ.)
7. Koshko I.F. *Vospominaniya gubernatora (1905–1914). Novgorod – Samara – Penza* = *Memoirs of the Governor (1905–1914). Novgorod – Samara – Penza*. Petrograd: Soderzhestvo, 1916:259. (In Russ.)
8. Osorgin M.M. *Vospominaniya* = *Memories*. Moscow: Rossiyskiy Fond Kul'tury, 2009: 999. (In Russ.)
9. Blinov I.A. *Gubernatory. Istoriko-yuridicheskiy ocherk* = *Governors. Historical and legal essay*. Saint Petersburg: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1905:368. (In Russ.)
10. Minakov A.S. *Gubernatorskiy korpus i tsentral'naya vlast': problema vzaimootnosheniy (po materialam guberniy Chernozemnogo tsentra vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.)* = *The governor's corps and the central government: the problem of relationships (based on materials from the provinces of the Black Earth Center in the second half of the 19th – early 20th centuries)*. Orel: Orlik, 2011:488.
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 1284. Op. 47. 1906. D. 229 = *The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Item 47. File 229*. (In Russ.)
12. Naumov A.N. *Iz utselevshikh vospominaniy. 1868–1917: v 2 kn* = *From surviving memories. 1868–1917: in 2 books*. New York, 1955;2: 583. (In Russ.)
13. RGIA. F. 1284. Op. 46. 1905. D. 182 b = *The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Item 46. 1905. File 182 b*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Георгий Владимирович Гарбуз

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: ggarbuz@rambler.ru

Georgiy V. Garbuz

Candidate of historical sciences, associate
professor of the sub-department
of the history of Russia, state and law,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.08.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2021

Принята к публикации / Accepted 20.11.2021